

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XVI

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

18–20 июня 2012 г.

Санкт-Петербург
Наука
2012

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. – 920 с.

ISBN 978-5-02-038298-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н., проф. Л. Г. Герценберг,
д. филол. н. А. В. Грошева, к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
к. филол. н. А. В. Шацков

Рецензенты: д. филол. н. А. Н. Соболев,
к. филол. н. Н. Л. Сухачев.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»
и
при поддержке РГНФ – грант № 12-04-14000г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 10-04-00293а (рук. Н. Н. Казанский)
и гранта № НШ-4453.2012.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-5-02-038298-5

© Коллектив авторов, 2012

© ИЛИ РАН, 2012

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2012

А. С. Авдохин

***PARTIZIPSTIL* В СТИЛИСТИКЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГИМНОГРАФИИ: СТО ЛЕТ ПОСЛЕ Э. НОРДЕНА**

Резюме. Э. Норден в 1913 г. Ввел понятие *Partizipstil* для описания нехарактерного для греческой гимнографии употребления субстантивированных причастий как основы построения фраз. Элементы *Partizipstil* были обнаружены им в орнаментальной гимнической прозе (Аристид, император Юлиан); ближайшей параллелью им оказался гебраизирующий стиль псалмов в Септуагинте и другие примеры «ориентального» калькирующего синтаксиса.

В корпусе греческих магических папирусов, эпиграфических гимнов и ареталогий Исиды, а также систематически в прозаических гимнах Элия Аристида обнаруживается тот же *Partizipstil*. В свете ставших известными в ходе изучения религиозных и литературных контактов иудаизма и позднеантичной грекоязычной культуры можно конкретизировать представления о путях проникновения гебраизирующих элементов в стиль позднеантичной гимнографии. Их дальнейшая роль в построении «неклассической» стилистики гимнов может оказаться особо велика для понимания генезиса византийской гимнографии.

Ключевые слова: participial style, hymnography, hymnic style, Late Antiquity, Isiac hymns, PGM, epigraphic hymns, Aelius Aristides.

В 1913 г. Эдуард Норден в монографии «*Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede*» (Norden 1913), посвященной, помимо прочего, истории позднеантичного гимнического жанра, отметил наличие «негреческих» грамматических и стилистических элементов в ряде позднеантичных текстов. Один из этих элементов, характерный для гимнического стиля¹, был им определен как *Partizipstil* – такое нехарак-

¹ Э. Норден называл изучаемое им явление *Religionsrede*, не вводя эксплицитного теоретического объяснения, имеется ли в виду «жанр» или «стиль» текста. Как можно понять из контекстуального использования термина, *Religionsrede* – это достаточно широко понимаемый тип текста или фрагмента текста, обращенный к божеству или говорящего о божестве и имеющий ряд устанавливаемых исследователем стилистических свойств. Так как в большинстве примеров Э. Нордена речь идет о молитвенном обращении к божеству, прославлении его свойств, то нам кажется оправданным говорить в широком смысле о

терное для традиционной (как классической, так и эллинистической) греческой гимнографии построение фразы, при котором отличительной чертой становилось использование субстантивированного причастия². Отдельной – и наиболее яркой – разновидностью – *Partizipstil* является употребление субстантивированного причастия в предикативной функции (с глаголом – связкой или без него).

Вот примеры, приводимые Э. Норденом:

1) гимн в завершении пятой речи императора Юлиана (о «матери богов») (Norden 1913: 167):

«Ὡ θεῶν καὶ ἀνθρώπων Μῆτερ, ὦ τοῦ μεγάλου Σύνθωκε καὶ Σύνθρονε Διός, ὦ Πηγὴ τῶν νοερῶν θεῶν, ὦ τῶν νοητῶν ταῖς ἀχράντοις οὐσίαις **συνδρομοῦσα** καὶ τὴν κοινὴν ἐκ πάντων αἰτίαν **παραδεξαμένη** καὶ τοῖς νοεροῖς **ἐνδιδούσα**, Ζωογόνε Θεὰ καὶ Μῆτις καὶ Πρόνοια καὶ τῶν ἡμετέρων ψυχῶν Δημιουργέ, ὦ τὸν μέγαν Διόνυσον **ἀγαπῶσα** καὶ τὸν Ἄπτιν ἐκτεθέντα **περισωσαμένη** καὶ πάλιν αὐτὸν εἰς τὸ γῆς ἄντρον καταδύομενον **ἐπανάγουσα**, ὦ πάντων μὲν ἀγαθῶν τοῖς νοεροῖς **ἡγουμένη** θεοῖς, πάντων δὲ **ἀποπληροῦσα** τὸν αἰσθητὸν κόσμον, πάντα δὲ ἡμῖν ἐν πᾶσιν ἀγαθὰ **χαρισαμένη** <...>»;

2) седьмой гимн Прокла (Афине) (Norden 1913: 171):

ἡ σοφίης πετάσασα θεοστιβέας πυλεῶνας
καὶ χθονίων **δαμάσασα** θεημάχα φύλα Γιγάντων·
ἡ πόθον Ἡφαίστοιο λιλαιομένοιο **φυγοῦσα**

Нетрудно увидеть, что оба контекста, помимо присутствия в них *Partizipstil*, обладают рядом общих жанрово-стилистических черт. Они либо происходят из текстов, являющихся образцами в

гимническом стиле; объемы соответствующих понятий, как представляется, оказываются примерно равны.

² Вот как определяет Э. Норден нехарактерность для греческого языка такой конструкции: «In der Tat gibt es nun fuer die Differenzierung der Formalhaften Partizipalkonstruktion ein Kriterium ...Die echt hellenisch Praedikationen zeigen ausschliesslich pradikative oder attributive Partizipien, die also artikellos sind, die orientalische sowie die aus solchen ubersetzen griechischen Praedikationen haben daneben auch substantivierte Partizipien, die also den Artikel haben. Wo immer wir Artikel + Partizipium lesen, duerfen wir sicher sein, eine hicht hellenische Praedikation vor uns zu haben <...> den Hellenen war dieser Brauch gaenzlich fremd» (Norden 1913: 202–203).

высокой степени риторической орнаментальной прозы, развивающей принципы второй софистики, либо взяты из позднеантичной книжной гимнографии. Так или иначе, речь идет об ученой элитарной литературе, которая, как обычно считается, должна быть воплощением аттицизма и стилистического консерватизма. Однако Э. Норден указывает именно на уникальный характер такого *Partizipstil* для греческой гимнографии (и стилистики греческой литературы вообще): по выражению исследователя, такая стилистика субстантивированных причастий является совершенно «неэллинской»³ и прямо видится им признаком проникновения «негреческого духа» в структуру греческого языка⁴. Более того, приводя примеры текстов, где *Partizipstil* именно является привычным и типичным – греческий текст Псалмов из Септуагинты, «Оды Соломона» и другие раннехристианские канонические и апокрифические свидетельства гимно-

³ Со ссылкой на «Die Delphische Hymnen» О. Круциуса исследователь говорит о том, что *Partizipkonstruktion* с субстантивированным причастием как разновидность *Nominale Anaklese* является принципиально чуждым для греческой гимнографии оборотом (Norden 1913: 166–167).

⁴ Такая постановка проблемы, конечно, также весьма характерна для методологии начала века с «синтетическим» подходом к лингвистическим и литературоведческим и стилистическим вопросам (наряду с отмеченной уже некоторой «метафизичностью» терминов, в которых идет рассуждение). При этом собственно лингвистический аспект может открыть продуктивную перспективу рассмотрения проблемы, так как по указанию Mayser 1926: 352–356 (ср. также изложение и библиографию в Moulton et al. 2000: 173–185), предикативная функция причастия в сочетании с полусвязочными глаголами типа $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ или является типичной для грамматики египетских папирусов птолемеевой эпохи и не обязательно должна считаться гебраизмом. То же касается и субстантивированного причастия с артиклем, являвшегося нормой для юридического языка папирусных документов и койне (Mayser 1928: 347–348) (при этом признается ее несоответствие аттической норме, что сохраняет возможность для расширительной интерпретации такой стилистики как «ориентальной» – Moulton 2000: 150–151). Тем не менее, примеры из языка папирусов, приводимые в данных грамматиках, не являются исчерпывающими и точными параллелями конструкций типа $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\iota$ + причастие, столь характерных для ареталогий (см. ниже) и концентрации субстантивированных причастий и их регулярного участия в образовании «сложных наименований» божеств в позднеантичной гимнографии: жанровые закономерности стиля остаются и требуют объяснения, которые не следует из факта существования похожих конструкций в языке папирусов.

графического стиля⁵ – ученый утверждает, что во всех этих случаях явно видно влияние еврейского оригинала на синтаксис греческого текста (Norden 1913: 204-207)⁶. Понятно, однако, что в то время как в случае раннехристианской гимнографии «восточное влияние» является понятным и естественным, появление «ориентального» *Partizipstil* у аттицистов Второй софистики представляется необычным; Э. Норден концептуализирует этот факт в терминах проникновения «восточного», «ориентального» в «греческое», в греческий язык⁷.

Такое описание культурного процесса в терминах «большого нарратива» взаимодействия обобщенного «востока» и «эллинства» относительно явления позднеантичной культурной и религиозной истории для гуманитарной методологии начала XX в. является достаточно типичным. Понятно, в начале XXI в. подобное «объяснение» не отвечает основным требованиям принятой методологии. Тем не менее, проблема, на которую указал Э. Норден, существует. Попытаемся указать на возможные пути ее решения в современной методологической и источниковедческой ситуации.

⁵ Ср., напр., приводимый Э. Норденом фрагмент 135 псалма (Norden 1913: 205):

ἑξομολογεῖσθε τῷ κυρίῳ τῶν κυρίων,
 ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
 τῷ ποιῶντι θαυμάσια μεγάλα μόνῳ,
 ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
 τῷ ποιήσαντι τοὺς οὐρανοὺς ἐν συνέσει,
 ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
 τῷ στερεώσαντι τὴν γῆν ἐπὶ τῶν ὑδάτων,
 ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ

⁶ В разделе «Der Verkunft dieser Stilformen (Babyloniaca, Aegyptiaca)» (Norden 1913: 207–219) Э. Норден приводит большой и чрезвычайно широко обобщающий исторический очерк «ориентального» происхождения подобных стиливых форм, возводя их в конечном итоге к шумерской и египетской гимнической стилистике. Как и ранее, вопрос конкретных культурно-исторических механизмов преемственности не ставится, рассуждение идет в терминах цельности «ориентальной» стилистики.

⁷ При этом он оперирует такими сущностями, как «обучаемость» греческого языка («Selbst die bildungsfähige griechische Sprache hatte in den Nominalkomposition ihre Grenze» – Norden 1913: 166); «Критерии восточного и греческого стиля» («Orientalische und griechische Stil-kriterien» – название раздела главы, Norden 1913, 201).

Прежде всего, необходимо расширить контекстуализацию *Partizipstil* на материале позднеантичных гимнических и ареталогических текстов (а также тех жанров, которые могли иметь в себе рефлексы гимнографии – например, на материале орнаментальной прозы), прежде всего это необходимо сделать на базе текстов, введенных в научный оборот со времен выхода монографии Э. Нордена. Мы рассмотрели два корпуса таких текстов⁸: гимны и гимнические фрагменты из греческих магических папирусов (PGM) (Preizendanz 1928–31), собранные в Heitsch 1961 в разделе «Hymni e papiris magicis collecti», а также гимны и ареталогии, сконцентрированные вокруг культа Исида (и ряда связанных с ним божеств, прежде всего Осириса) изданных в Totti 1985.

В PGM примеры *Partizipstil* достаточно распространены. Их можно для удобства изложения распределить по трем категориям в зависимости от степени сложности и выраженности причастной конструкции: 1а) (часто субстантивированное) причастие является приложением к номинативному элементу во фразе и входит в сложно построенное именование божества или 1б) призыв божества (синтаксически обращение) 2) субстантивированное причастие входит в конструкцию типа сущ./мест + (глагол-связка) + причастие

1а. Гимн Тифону (Heitsch 1961: 185):

Σὲ καλ<έ>ω τὸν πρῶτα θεῶν τοργίλον διέποντα,
 σὲ τὸν ἐπουρανίων σκῆπτρον βασίλειον ἔχοντα,
 σὲ τὸν ἄνω μες<εύ>οντ' {ων} ἄστρον τυφῶνα δυνάστην,
 σὲ <καλέω> τὸν ἐπὶ {τῶ} στερεώματι δεινὸν ἄνακτα,
 σὲ τὸν <παμ>φοβερόν, {καί} τρομερόν καὶ φρικτὸν ἔόντα,
 <...>

σὲ τὸν ἐπ' ἀσβέστῳ βεβηκότῳ πυρὶ λιγ<ε>ίῳ,
 σὲ τὸν ἄνω χιόνων <τε> κάτω <τε> πάγουσ σκοτ<εε>ινοῦ,
 σὲ τὸν ἐπευκταίων Μοιρῶν βασίλειον ἔχοντα

Гимн Селене (Heitsch 1961: 187):

Ἐλθέ μοι, ὦ δέσποινα φίλη, τριπρόσωπε Σελήνη,
 <...>

ἢ χαροποῖς ταύροισιν ἐφεζομένη βασιλεία,

⁸ Этим круг поиска возможных параллелей, естественно, не ограничивается, ниже излагаются только начальные результаты большого исследования, которое находится на начальном этапе.

Ἡελίου δρόμον ἴσον ἐν ἄρμασιν ἰππεύουσα,
ἢ Χαρίτων τρισσῶν τρισσαῖς μορφαῖσι χορεύεις
ἄστρασι κωμάζουσα·

<...>

ἢ χέρας ὀπλίζουσα κελαινὰς λαμπάσι δειναῖς, (10)
ἢ φοβερῶν ὀφίων χαίτην σείουσα μετώποις,
ἢ ταύρων μύκημα κατὰ στομάτων ἀνιῖσα,
ἢ νηδὺν φολίσιν πεπυκασμένη ἐρπυστήρων,
ιοβόλοις ταρσοῖσι καταμαδίοισι δρακόντων
σφιγγομένη κατὰ νῶτα παλαμναίοις ὑπὸ δεσμοῖς·

Гимн Гекате (Heitsch 1961: 174)⁹:

ἐχθρὴ μὲν φωτός, νυκτὸς δὲ φίλη καὶ ἑταίρη,
χαίρουσα σκυλάκων ὑλακῆ τε καὶ αἵματι φοινῶ,
ἐν νέκυσι<ν> στείχουσα κατ' ἠρία τεθνηώτων,
αἵματος ἰμείρουσα, φόβον θνητοῖσι φέρουσα,
Γοργῶ καὶ Μορμῶ καὶ Μήνη καὶ πολύμορφε,
ἔλθοις εὐάντητος ἐφ' ἡμετέρησι θυλαῖς.

16. Гимн Пану (Heitsch 1961: 180):

Δεῦρο <σύ>, παντὸς κτίστα, θεῶν θεέ, κοίρανε <παντός>,
Πάν, ὁ διαστήσας τὸν κόσμον {τῷ σεαυτῷ} πνεύματι θε<ί>ω.
Πρῶτος δ' ἐξεφάνης ἐκ πρωτογόνου, Μελιούχε,
ὔδατος <ἐκ> βιαίου ὁ τὰ πάντα κτίσσας

Гимн Гелиосу (Heitsch 1961: 181):

Χαῖρε δράκων, ἀκμαῖε {δε} λέων, Φύσι καὶ πυρὸς ἀρχή,
<...>
καὶ καθαρῶν στομάτων ἀφρὸν ἡμερον ἐξαναβλύζων
Ἄεροφοιτήτων ἀνέμων ἐποχούμενος αὔραις,
Ἦλιε χρυσοκόμα, διέπων φλογὸς ἀκάματον πῦρ,
αἰθερίοισι τρίβοισι μέγαν πόλον ἀμφιελίσσων,
γεννῶν αὐτὸς ἅπαντα ἅπερ πάλιν ἐξαναλύεις·

Гимн Луне (Heitsch 1961: 187):

Χαῖρ' ἱερὸν φῶς, ταρταροῦχε, φωτοπλήξ,
χαῖρ' ἱερὰ αὐγὴ ἐκ σκότους εἰλημμένη,
ἀναστατοῦσα πάντα βουλαῖς ἀστόχοις.
<...>
ἄκουσον ἢ θεωροῦσα καὶ θεωρουμένη·

⁹ Это еще один пример гимнического текста, известного первоначально в передаче историка, чье бытование позже было подтверждено папирологически. Этот гимн Гекате приводится Ипполитом Римским (Hipp. Refut.4.53.5).

Γимн Гекате (Heitsch 1961: 197):

Δεῦρ' Ἐκάτη γιγάεσσα, Διώνης ἢ μεδέουσα,
Περς<ε>ία, Βαυβώ, Φρούνη, <θεὰ> ἰοχέαιρα,
<...>

κλῦθι διαζεύξασα πύλας ἀλύτου ἀδάμαντος
<...>

σὲ καλῶ ἐλλοφόνα λωεσσα αὐδναία πολύμορφε.
Δεῦρ' Ἐκάτη, τριοδίτι, πυρίπνοα φάσματ' ἔχουσα,

2) Γимн Тифону (Heitsch 1961: 185):

ἐγὼ {εἰμι} ὁ σὺν σοὶ τὴν ὅλην οἰκουμένην
ἀνασκαλεύσας καὶ ἐξευρῶν τὸν μέγαν
Ἵοσιριν, ὃν σοὶ δέσμιον προσήνεγκα,
ἐγὼ {εἰμι} ὁ σὺν σοὶ συμμαχήσας τοῖς θεοῖς,
ἐγὼ {εἰμι} ὁ κλείσας οὐρανοῦ διςσὰς πτύχας
καὶ κοιμίσας δράκοντα τὸν ἀθεώρητον,
στήσας θάλασσαν, ῥεῖθρα, ποταμῶν νάματα,
ἄχρις {ου} κυριεύσης τῆσδε τῆς σκηπτουχίας,
ὁ σὸς στρατιώτης ὑπὸ θεῶν νενίκημαι

Во втором корпусе текстов – эпиграфических гимнов и ареталогий Исиды – эта структура также систематически засвидетельствована.

Так, в эпиграфическом *Selbstoffenbarung* Исиды на стеле в Кумах (этот же текст засвидетельствован у Диодора)¹⁰:

ἐγὼ εἰμι ἢ πρώτη καρπὸν ἀνθρώποις εὐρουῖσα·
ἐγὼ εἰμι μήτηρ Ὀρου τοῦ βασιλέως·
ἐγὼ εἰμι ἢ ἐν τῷ ἄστρω τῷ ἐν τῷ κυνὶ ἐπιτέλλουσα·

(Totti 1985, 9)

В отличие от предыдущего текста, являющегося замечательным примером эпиграфического подтверждения материала, известного некогда только из исторического источника, *Selbstoffenbarung* Осириса, изложенный Диодором, не засвидетельствован пока эпиграфически: «εἰμι δὲ Ὀσιρις ὁ βασιλεύς, ὁ στρατεύσας ἐπὶ πᾶσαν χώραν ἕως εἰς τοὺς ἀοικήτους

¹⁰ В тексте Диодора прямо указано на нахождение текста на стеле, что делает его сообщение о тексте, посвященном Осирису, в высшей степени надежным: «<...> εἶναι δὲ καὶ στήλην ἑκατέρου τῶν θεῶν ἐπιγεγραμμένην τοῖς ἱεροῖς γράμμασιν. ἐπὶ μὲν οὖν τῆς Ἰσίδος ἐπιγεγράφθαι <...> ἐπὶ δὲ τῆς Ὀσίριδος ἐπιγεγράφθαι λέγεται» (Diod. *Hist.* 1.27.5).

τόπους τῶν Ἰνδῶν καὶ τοὺς πρὸς ἄρκτον κεκλιμένους» (Diod. *Hist* 1.27.5).

Надпись с о-ва Андрос (текст является гексаметрической парафразой откровения из Кум) (Totti 1985: 11):

44 <...>ἔμμι δ' ἀρούρας
 πυρνοτόκῳ μεδέοισα <...>
 86 ἄμπελον ἐκπετ[άσαισα — — — — —]
 142 τὰ δ' ὑπείροχ' ὄ[π]ανίκα [νε]ύσω
 κῦρος ὑποκλάζοισ', ὑπάταν βασιληΐδα τειμᾶν
 πτήσσονθ' ἀμετέραν

Отметим, что, по сравнению с первоначальным текстом, парафраза¹¹, наряду с общей переработкой языка текста в направлении архаизирующей эпической нормы, содержит меньше элементов *Partizipstil*, и они менее очевидны).

Тем не менее, в гексаметрических гимнах Исиде Исидора (из Мединет-Мади (Нармутис) в Фаюмском оазисе) отдельные элементы *Partizipstil* можно обнаружить:

Первый гимн (Totti 1985: 23):

Κλῦθι ἐμῶν εὐχῶν, μεγαλοσθενὲς οὐνομ' ἔχουσ[α]

Третий гимн, открывающее его обращение к Исиде (Totti 1985: 24):

Ἐψίστων μεδέουσα θεῶν, Ἐρμούθι ἄνασσα,
 Ἴσι ἀγνή, ἀγία, μεγάλη, μεγαλώνυμε Δηοῖ,
 (завершающая εὐχή):
 κλῦθι ἐμοῦ, Ἀγαθή τε τύχη, ἰκέτου σου, ἄνασ[α],
 <...>
 ἢ καὶ ἡελίου ὠκυδρόμου ἄρματα βᾶσα,
 κόσμον ἅπαν διάγουσα, κατοπτεύουσα ἅπαντα
 ἔργ' ἀνδρῶν ἀσεβῶν τε καὶ εὐσεβέων καθορῶσα,
 εἰ δὲ καὶ ὧδε πάρει, ἰδίαν ἀρετὴν ἐφορῶσα,
 τερπομένη θύμασιν, λοιβαῖσί τε ἠδὲ θηλαί[ς],
 <...>
 πυθομένη εὐχῶν, μελανηφόρε Ἴσι ἐλήμων.

Отметим, что на этом примере хорошо видна функция причастия как опорного элемента конструирования сложного наименования божества, участвующего в его эпиклезе – это видно

¹¹ Текст откровения из Кум, по всей видимости, вообще был весьма авторитетным и популярным, так как сохранилось еще одно, на этот раз – ямбическое его переложение – ср. Totti 1985: 14.

в соположении в этой функции цельных причастных конструкций (причастия в звательном падеже с зависимыми словами) со сложными эпитетами (как μελανηφόρε).

Четвертый гимн (Totti 1985: 26):

οὐνομα δ' ἦν παταπὸν τούτωι; καὶ τίς τόδ' ἔθηκε
κοίρανος ἢ βασιλεὺς ἢ τίς ἀθανάτων;
ὁ θρέψας Σεσοῶσις, ὃς οὐρανοῦ ἔσπερ' ἀφεῖκται,
οὐνομ' ἔθηκε καλὸν ἡλίου εὐφεγγέος.

Кроме того, корпус прозаических «гимнов» (λόγοι) Элия Аристида¹² также удается обнаружить те же структуры в функционально нам уже знакомых контекстах ареталогической формулировки «свойств» божества или в эпиклезе:

Гимн Сарапису (Dindorf 1829: 97):

«καὶ ἡμῶν ἤδη μεταστρέψει τὸν λόγον πρὸς αὐτὸν, καὶ προσειποῦσιν ὥρα καταπαύειν. ὦ τὴν καλλίστην ὧν ἐφορᾶς κατέχων πόλιν, ἢ σοι τὴν δι' ἔτους πανήγυριν πληροῖ, ὦ κοινὸν ἅπασιν ἀνθρώποις φῶς, ἡμῖν τε δὴ πρώην περιφανῶς γενόμενος».

Гимн Афине (Dindorf 1829: 16):

«ἀλλὰ μὴν εἰς γε τὰ τῶν ἀνθρώπων πράγματα ὅσας εὐεργεσίας κατέθετο ἐνθυμηθῆναι ῥᾶον ἢ διελθεῖν λόγῳ. ἢ μὲν οὖν μεγίστη τῶν εὐεργεσιῶν καὶ διὰ πάντων τῶν γιγνομένων διήκουσα καὶ παρατείνουσα πάντας χρόνους καὶ τόπους, ὅτι Ἀθηνᾶς ἡγουμένης οὐδὲν πώποτε ἀνθρώποις ἡμαρτήθη, οὐδ' αὖ πράξουσὶ ποτε χρηστὸν οὐδὲν ἄνευ τῆς Ἀθηνᾶς».

(Dindorf 1829: 17): «διχῆ δ' αὖ καὶ τούτων ἐκατέρω προσηνέχθη. Πρῶτον μὲν γὰρ τῆς ὀρείου καὶ καθ' ἐκάστου διαίτης ἀπαλλαγῆναι καὶ συνελθόντας οἰκεῖν ἐν ταύτῳ μίαν συνοικίαν κοινὴν περιβαλλομένους ἢδ' ἐστὶν ἢ πείσασα, καὶ εἰσὶν αἱ πόλεις δῶρα Ἀθηνᾶς· ὅθεν δὴ καὶ πολιοῦχος ἅπασι κέκληται».

Гимн Асклепию (Dindorf 1829: 63):

«ὦ πολλὰ δὴ πολλάκις ἐν νυξί τε καὶ ἡμέραις ἰδία τε καὶ δημοσία κληθεὶς ὑφ' ἡμῶν, Ἀσκληπιεῖ δέσποτα, ὡς ἀσμένοις καὶ ὑπερποθοῦσιν ἔδωκας ἡμῖν οἶον ἐκ πελάγους πολλοῦ καὶ κατηφείας λιμένος τε λαβέσθαι γαληνοῦ <...>».

¹² На данный момент он не был рассмотрен в полном объеме, использовались гимн Афине, Асклепию, Осирису, Гераклу».

(Dindorf 1829: 72) «εἰ γὰρ οἱ ποιηταὶ τὰ δοκοῦνθ' ἑαυτοῖς ὥστ' εἰπεῖν τὸν Ἀπόλλω καὶ τὰς Μούσας καλοῦσιν, ἧ που καλλίων ἢ κλῆσις ἡμῖν, ὅταν αὐτοῦ τοῦ προβαλόντος δεώμεθα μουσηγέτην ἅμα τῷ πατρὶ γενέσθαι. ἄλλ' ὦ πολλὰ δὴ πολλάκις κληθεῖς, ἔχω δ' εἰπεῖν ὅτι καὶ παραδείξας καὶ ἄλλα καὶ περὶ αὐτοὺς τοὺς λόγους, ἔξαγε καὶ νῦν ὅπῃ σοι φίλον τὸν λόγον».

Эта расширенная контекстуализация даже в своем принципиально начальном виде уже дает более определенные контуры поиска социокультурного контекста для контакта «эллинского» с «ориентальным». К произведениям авторов орнаментальной прозы с гимническими элементами (Элий Аристид, император Юлиан) добавляются позднеантичные гимны из PGM и культа Исиды и Осириса. Однако проблема, поставленная Э. Норденом, при получении более широкого материала не решается. Как мы помним, немецкий ученый начала XX в. предлагал определенную концептуальную рамку для понимания процесса проникновения «неэллинских» элементов в «греческую» литературу и язык. Чтобы продвигаться дальше, помимо чисто количественного расширения контекстуализации позднеантичного *Partizipstil* необходимо предложить альтернативу или уточнение концептуальной схемы Э. Нордена. Объяснительная модель должна предложить теорию, объяснявшую бы в терминах исторически конкретных и прослеживаемых взаимодействий знакомство авторов очерченного круга с возможными разновидностями «ориентальных» традиций – прежде всего, иудаизма¹³.

Как кажется, представляется в принципе возможным очертить общие контуры такой модели, опираясь на данные, полученные в 20 в. в ходе исследования позднеантичной философии, религии и литературы.

Во-первых, исследователи эллинистического и позднеантичного иудаизма в диаспоре отмечают высокую степень активности его контактов с греческим культурным контекстом. При этом – что принципиально для наших целей – отмечается двустороннее направление влияний: как эллинистической культуры на иудаизм диаспоры, так и наоборот. Если говорить о тех типах авторов и текстов, которые были выделены выше в качестве фокуса внимания, то одним из ярких примеров взаимодействия является Нумений из Апамеи (II в. н. э.) – неопифагорец, один

¹³ Ср. отмечаемый Норденом (1913: 201–4) «гебраизм» *Partizipstil*.

из основных предшественников неоплатонизма. Мы не только видим в сохранившихся фрагментах его трактатов существенные свидетельства его знакомства с иудаизмом и, по всей видимости, Септуагинтой¹⁴; можно видеть фактическую возможность контакта, так как в Апамее была довольно заметная иудейская диаспора (Rinaldi 1998: 53–54). Это пример контактирования позднеантичной академической философской школы с иудаизмом и его текстами (Септуагинтой), говорящий о принципиальном существовании подобных связей и возможности знакомства в том числе со стилистикой иудейских текстов. По формулировке одного из авторитетных исследователей, «свободные кварталы Александрии» с их не всегда ортодоксальными идеями выступали местом синтеза самого разного толка: религиозного, философского, стилистического¹⁵; Нумений как философ является, по всей видимости, лишь наиболее ярким и известным свидетелем этого.

Относительно более религиозной разновидности философии есть еще более яркие свидетельства. Известно бесспорное влияние иудаизма на герметизм (см., прежде всего, Jansen 1977; Wilson 1977; Pearson 1981; Quispel 1992), что чрезвычайно заметно даже на стилистическом, а не только идейном уровне. Так, отмечены прямые цитаты из синагогальной литургии в тексте герметического трактата «Поймандр»¹⁶. Это дает нам

¹⁴ Наряду с наиболее известной его формулировкой *Τί γάρ ἐστι Πλάτων ἢ Μωσῆς ἀττικίζων* (Eus., Pr.Ev. IX, 8, 1–2), Нумений аллегорически толковал слова пророков (Stern 1980: 346); для него иудеи – предшественники Платона и Пифагора (Cook 2004: 37); в его фрагментах обнаруживается знакомство с ритуалами и обычаями иудеев (ibid.). Одно из его высказываний можно понимать как прямую аллюзию на Исход 3.14 (*Εγώ εἰμι ὁ ὢν*): *Ὁ μὲν γε ὢν σπέσμα πάσης ψυχῆς στείρει*. Ему также известен (небиблейский по происхождению) сюжет и встрече Моисея в египетскими магами (idem, 39). Ему также мог быть известен ветхозаветный апокриф «Покаяние Ианна и Мамбра», на который ссылается Ориген как на источник Тим. 3.8 (idem, 40).

¹⁵ «... Numenius in this respect, as so often, has been inspired by his Jewish source, the liberal quarters of esoteric Alexandria» (Quispel 1992: 9).

¹⁶ Ср., например, слова в конце 30 главы «ἐκ ψυχῆς καὶ ἰσχύος ὄλης четко отражают выражение, используемое в последней части шемы (Pearson 1981; 341). Исследователь так заключает изложение параллельных мест «Поймандра» и синагогальной литургии: «Of the influence of Jewish liturgical usage on the Poimandres there can be no doubt!» (idem, 345). При этом автор отдельно подчеркивает отсутствие

пример взаимодействия в более узко понятом религиозном смысле.

Наконец, еще одним отдельным примером является глубокое и бесспорное знакомство императора Юлиана с иудаизмом как религией¹⁷, в том числе в ее культовыми практиками (Alon 1970: 313; Smith 1981: 185) в целом и с Септуагинтой в частности (Lewy 1983: 73; Finkelstein 2011, 34); в данном случае систематическое изучение греческого текста Библии является бесспорным фактом.

Еще одной линией взаимодействия, которую также можно контекстуализировать в позднеантичной иудейской диаспоре, было мощное влияние иудаизма на магические тексты и практики. В чрезвычайно богатом свидетельствами, но столь же сложном (в отношении конфессиональной ориентации входящих в него текстов и их датировок)¹⁸ корпусе греческих магических папирусов (PGM) наличие элементов иудаизма является признанным фактом (Smith 1996; van der Horst 2006; Lidonici 2007). Отдельно отметим, что в значительном числе случаев наличие *Partizipstil* отмечается именно в произведениях гимнического характера, вошедших в корпус либо как самостоятельные тексты, либо в виде гимнических фрагментов заклинаний и магических формул.

Наконец, нельзя не упомянуть исследования, указавшие на существование более широко понятой контактной зоны между текстами и культурами иудаизма и эллинизма. Упомянем как пример надпись с о-ва Эвбеи (II в. н. э.) со списком болезней, совпадающим с тем, который отражен во Втор. 28, 22–8; при этом на ней же в качестве божеств фигурируют Бог (θεός), фурии, грация и Гигиея (Cook 2004: 48). По всей видимости, зона контакта между иудаизмом и его языческим грекоязычным окружением, как показывают исследования XX в. (в которых этот вопрос, по сути, только начинает изучаться) может

сходства стилистики гимнических элементов с традиционными греческими гимнами – имея в виду именно присущий этим пассажам *Partizipstil* – и ссылается на Э. Нордена в его формулировке «негреческого характера» такого стиля.

¹⁷ Все релевантные текстовые источники – в Stern 1980: 502–572.

¹⁸ Подавляющая часть папирусов палеографически датируются IV в. н. э., время составления текстов является предметом продолжающейся научной дискуссии. См. прежде всего сводную аналитическую библиографию в Brashear 1995.

оказаться гораздо шире, чем традиционно принято считать в классической филологии.

В то время как приведенные выше соображения позволяют наметить более конкретные контуры взаимодействия эллинизма и иудаизма, место культовых текстов, связанных с Исидой, находится, как можно предположить, на касательной к этой линии контакта. В свете того материала, который доступен для обзора сейчас, представляется разумным говорить о формирующейся в поздней античности обобщенной трансконфессиональной гимнической стилистике, одним из важных элементов был *Partizipstil*. Предположительно одним из элементов, формировавших его, была стилистика иудейских текстов (того типа, которая обнаруживается в псалмах); она могла, как мы видели на примерах текстов из PGM, проникать в опять же трансконфессиональном контексте¹⁹ в гимнические магические формулы; пройдя этот стилистически-функциональный круг, лишивший ее определенной принадлежности к иудейской текстовой идентичности, она могла уже из этого круга околомагических гимнов осуществлять инфильтрацию в другие гимнические не исконно грекоязычные традиции, где и закреплялась (как в корпусе текстов, посвященных Исиде). Став привычным элементом этой (и, возможно, подобных) стилистических линий позднеантичной гимнографии, она могла также оказывать влияние на прозаические гимны (λόγοι) таких авторов, как Элий Аристид или император Юлиан (для которого, как мы помним, можно предполагать параллельно и другую линию проникновения *Partizipstil*: через непосредственное знакомство с иудаизмом); в элементах *Partizipstil* у Прокла также можно предполагать смыкание стилистических линий, пришедших находящейся *in statu nascendi* позднеантичной неэллинистической по стилю гимнографии и той традиции интереса и знакомства с иудаизмом, которая могла идти от Нумения и подобных ему философов.

Говоря о предположительной стилистической линии «неэллинистической» гимнографии (то есть стилистически отлич-

¹⁹ Ср. концепцию трансконфессионального понятнейшего «языка» относительно позднеантичных средиземноморских религий Мортон Смита (Smith 1996: 244) или теорию трансконфессионального набора эпитетов позднеантичных μεγάλοι θεοί, отраженных в аккламациях в Chaniotis 2010.

ной от традиционной литературной гимнографии, которая была ориентирована на классические примеры Каллимаха и гексаметрических гомеровских гимнов), отметим, что, судя по всему, ее стилистическое своеобразие ощущалось самими авторами, работавшими с обеими традициями. Как отмечено выше, один из наиболее распространенных и важных текстов культа Исида (откровение из Кум) имеет гексаметрическую парафразу, также бытовавшую в эпиграфике. Помимо того что сам факт существования парафразы говорит о намеренном переводе текста в другую стилистику (или даже в другой жанр), систематическое наличие *Partizipstil* также оказывается чертой «негреческой», «новой» гимнографии – в то время как в исходном тексте обнаруживается 3 случая *Partizipstil*, в парафразе он встречается лишь единожды и не столь очевидно стоит вне древнегреческой стилистики. Похожее соотношение наблюдается в атрибутируемых (эта атрибуция вызывала споры, но в настоящее время представляет собой научный консенсус²⁰) Элию Аристиду коротких гимнах, надписанных в пергамском асклепиеоне и созданных в чрезвычайно строго выдержанной аттицизирующей языковой традиции. В них, в отличие от прозаических λόγοι – гимнов богам, нет и следа *Partizipstil*. Можно предположить, что использование этого стилистического элемента было частью code switching, которое имело место при переходе границ жанров и прагматических условий бытования текста: в одних случаях известная «экзотичность», неэллинистический характер стиля был уместен, в других – нет.

В завершении подчеркнем, что изложенный выше материал является лишь подступами к поставленной Э. Норденом проблеме *Partizipstil* позднеантичного греческого гимнографического стиля. При этом, как мы старались показать, сама эта проблема является частью более общих и чрезвычайно важных стилистических и общекультурных сдвигов, характерных для поздней античности и эпохи формирования, в частности, позднейшей византийской гимнографической традиции.

²⁰ Вслед за первичной публикацией и комментарием в Wiegand 1932, в которой издатель атрибутировал тексты Элию Аристиду, последовали скептические оценки атрибуции. Она восстанавливается в Jones 2004 – см. там же библиографию и обсуждение.

Издания текстов

- Dindorf 1829 – Dindorf W. Aelius Aristides. Bd. I. Lipsiae, 1829.
 Preizendanz 1928–31 – Preizendanz K. Papyri graecae magicae. Bd. 1–2.
 Leipzig, 1928–31.
 Totti 1985 – Totti M. Ausgewählte Texte der Isis- und Sarapis-Religion.
 Olms, 1985.

Литература

- Alon 1970 – Alon G. Towards a Clarification of the Problem of Julian's knowledge of Jews // Studies in Jewish History in the Times of the Second Temple, the Mishna and the Talmud. Vol. 2 / ed. Gedaliah Alon. Tel-Aviv, 1970.
 Brashear 1995 – Brashear W. M. The Greek Magical Papyri: an Introduction and Survey; Annotated Bibliography (1928–1994) // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II. 18.5. Berlin; New York, 1995.
 Cook 2004 – Cook J. G. The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism. Mohr Siebeck, 2004.
 Chaniotis 2010 – Chaniotis A. Megatheism: the search for almighty god and the competition of cults // One God: Pagan Monotheism in the Roman Empire / ed. S. Mitchell and P. van Nuffelen. Cambridge, 2010.
 Finkelstein 2011 – Finkelstein A. B. Julian among Jews, Christians and 'Hellenes' in Antioch: Jewish Practice as a Guide to 'Hellenes' and a Goad to Christians. PhD, Harvard, 2011.
 Heitsch 1961 – Heitsch E. Die griechischen *Dichterfragmente* der römischen Kaiserzeit. Bd.1, Göttingen, 1961.
 Jansen 1977 – Jansen H. L. Die Frage nach Tendenz und Verfasserschaft im Poimandres // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism. Stockholm August 20-25 1973 / ed. G. Widengren, D. Hellholm. Stockholm, 1977. S. 157–63.
 Jones 2004 – Jones Ch. P. Epigraphica VIII–IX // ZP 146 (2004). P. 93–98.
 Lewy 1983 – Lewy Y. Julian the Apostate and the Building of the Temple // The Jerusalem Cathedra, Studies in the History, Archaeology, Geography and Ethnography of the Land of Israel, Vol. 3 / ed. Lee I. Levine. Detroit: Wayne State University Press, 1983. P. 70–96.
 Mayser 1926 – Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemaerzeit mit Einschluss der gleichzeitigen Ostraka und der in Aegypten verfassten Inschriften. Bd. II, 1, Leipzig, 1926.
 Moulton et al. 2000 – Moulton J. S., Howard W. F., Turner N., A Grammar of the New Testament Greek, v. 3. Syntax. London, 2000.
 Norden 1913 – Norden E. Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede. Leiden, 1913.
 Pearson 1981 – Pearson B. A. Jewish Elements in Corpus Hermeticum I (Poimandres) // Studies in Gnosticism and Hellenistic Religions Presented to Gilles Quispel on the Occasion of his 65th Birthday / ed. R. van den Broek, M. J. Vermaseren. Leiden: EPRO 91, 1981. P. 336–48.
 Preizendanz 1928–31 – Preizendanz K. Papyri graecae magicae. Bd. 1–2. Leipzig, 1928–31.
 Quispel 1992 – Quispel G. Hermes Trismegistus and the origins of Gnosticism // VC 46 (1992). P. 1–19.

- Rinaldi 1998 – Rinaldi G. *La Bibbia dei pagani*. Vol. 1, Quadro storico, EDB 1998.
- Smith 1981 – Smith M. *Palestinian Parties and the Politics that Shaped the Old Testament*. New York: Columbia University Press, 1987.
- Smith 1996 – Smith M. *Studies in the Cult of Yahweh*, vol.2, New Testament, Early Christianity & Magic. Leiden, 1996. P. 242–256.
- Stern 1980 – Stern M. *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism*, Vol. II. From Tacitus to Simplicius. Jerusalem, 1980.
- van der Horst 2006 – van der Horst P. W. *The Great Magical Papyrus of Paris (PGM IV) and the Bible // Jews and Christians in Their Graeco-Roman Context*. Mohr Siebeck, 2006.
- Wiegand 1932 – Wiegand Th. *Abh.* Berlin 1932, 5, 53–54 no. 6.
- Wilson 1977 – Wilson R. McL. *The Gnostics and the Old Testament // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism*. Stockholm August 20–25 1973 / ed. G. Widengren, D. Hellholm. Stockholm, 1977. P. 56–61.

A. S. Avdokhin. *Partizipstil* in the Late Antique Greek Hymnic Style: One Hundred Years after E. Norden

In his 1913 monography *Agnostos Theos*, E. Norden put forward a theory of an “oriental impact” style of Greek hymns in Late Antiquity. Its core element is the so-called *Partizipstil*. It was supposed to be paralleled in the hebraistic syntax of Septuagint and other “oriental” writings; no clear conception, however, was proposed as to the particular ways in which such influence could be made possible.

By putting the *Partizipstil* in a wider context of Late Antique pagan hymnography (hymns from PGM, the Isiac epigraphic corpus and hymnic passages in the λόγοι of Aelius Aristides), this paper attempts to arrive at a better understanding of how the Late Antique hymnography changed, the introduction of the *Partizipstil* being one of the hallmarks of the change. This pattern is shown to be there in the texts studied, which is telling of the ways in which the Hebraic style could have penetrated into Greek hymns. When looked at in the perspective of the 20th century scholarship on the Jews-Gentile interaction, the insights gained from following the trail of *Partizipstil* start to make even a better sense in terms of accounting for the “melting pot” nature of the Late Antique literary style.